

]

— Каждый раз, когда случается беда, Альфы становятся основной ударной силой при спасательных операциях. В каком крупном Убежище больше Альф, у того и шансов на захват ресурсов, оружия и территорий больше. Разумеется, Альфы будут инстинктивно стягиваться туда, где больше Омег, а верхушка сможет распределять Омег как стратегический ресурс. Неужели не понимаешь, насколько это просто? — Чжоу Жун глубоко затянулся, и в его пальцах, то вспыхивая, то затухая, тлел огонек сигареты.

Си Нань долго молчал, а затем внезапно почувствовал, как его ткнули в бок.

— О чем задумался? Так глубоко ушел в себя.

Си Нань бросил невзначай:

— Тоже хочешь отправиться в Зону В, чтобы прихватить домой стратегический ресурс?

К его удивлению, Чжоу Жун отрезал:

— Нет!

На долю секунды Си Нань решил, что сейчас он скажет: «Потому что у меня есть Янь Хао». Но не успел он проникнуться умилением к любви этих двоих Бэта, как услышал решительное и твердое:

— Я терпеть не могу Омег!

— ... — Си Нань спросил: — Почему, брат Жун?

Чжоу Жун резко сменил позу, впился в Си Наня пронзительным взглядом и, исполненный глубокого смысла, произнес:

— Брат должен дать тебе жизненный совет, дружище: если когда-нибудь будешь искать себе пару, ни в коем случае не выбирай Омегу.

— ...

— Старайся выбирать Бэта.

— ...

Они долго смотрели друг на друга, пока уголок рта Си Наня не дрогнул:

— У меня именно такие планы.

Чжоу Жун одобрительно похлопал его по плечу.

— Но... почему? — искренне поинтересовался Си Нань.

Он полагал, что Чжоу Жун приведет в пример Янь Хао, мол, Бэта тоже могут обрести счастье в личной жизни, но тот вновь разрушил его нереалистичные представления о людях.

— Потому что у Омег, понимаешь ли, проблемы с моральным обликом, — серьезно заявил Чжоу Жун.

В темноте они вглядывались друг в друга, застыв в позе, при которой рука Чжоу Жуна лежала на плече у Си Наня, а их носы разделяло не более десяти сантиметров. Наконец Си Нань осторожно отодвинулся в угол стены и с вежливой осторожностью поинтересовался:

— Брат Жун, у тебя была несчастная любовь?

Само понятие «несчастливая любовь» явно показалось Чжоу Жуну чем-то дикий. Он задумчиво потер подбородок, поразмыслил с минуту и покачал головой:

— В каком-то смысле меня действительно обманули, но я не могу сказать... На самом деле это было много лет назад. Слышал о международных соревнованиях спецназа в джунглях?

Си Нань отрицательно качнул головой.

— Когда мне было восемнадцать, я представлял страну на тех соревнованиях, — продолжал Чжоу Жун. — Мой счет был далеко впереди всех, пока на этапе спасения заложников я не встретил некоего заложника, называвшего себя этническим китайцем из Страны А... Это был пятнадцатилетний пацан-Омега.

Одной этой фразы было достаточно, чтобы Си Нань дорисовал в голове стотысячную драму со всеми перипетиями, но внешне он оставался совершенно спокойным, выразив сдержанное любопытство одним-единственным звуком:

— О?

Чжоу Жун остался доволен тем, как внимательно его слушают.

— В этапе спасения заложников участвовали три группы: похитители, соперники и заложники. Похитители были в униформе, соперники — в бронежилетах и с датчиками позиционирования, а у заложников не было ничего. К середине пути я уже спас двоих, и если бы довел их до конца джунглей, задание считалось бы выполненным. Но тут я встретил этого Омегу, который сам на меня выскочил.

Си Нань понимающе кивнул.

— Нет, это не то, о чем ты подумал. Тогда все были в грязи и поте, так что вообще не было понятно, симпатичный он или нет. Но выглядел он действительно жалко, к тому же был ужасно навязчивым: ходил за мной по пятам, как только темнело — пугался, а спать ложился только обхватив мою руку...

Си Нань скользнул взглядом по жилистой, крепкой руке Чжоу Жуна, выглядывающей из-под футболки, и снова понимающе кивнул.

— ... — Чжоу Жун решил проверить реакцию: — Почему-то мне кажется, что твои мысли немного грязноваты.

— Нет. И что дальше?

Не найдя доказательств порочности его мыслей, Чжоу Жун оставил это без внимания.

— А что дальше? Я тащил этих троих заложников через леса и горы, всю еду отдавал этому пацану, если возникала опасность — первым делом защищал его, костры, готовку, палатки — я не давал ему ударить палец о палец. По-настоящему носил на руках, пылинки сдувал. И он вел

себя очень привязанно... Сам понимаешь, нежный и слабый Омега, к тому же совсем юный.

Чжоу Жун затянулся, привычно прижал окурок к земле, и его лицо странно исказилось:

— Пока в последний день, когда мы вышли к опушке джунглей и до лагеря оставалось совсем немного...

— Он признался тебе в чувствах? — спросил Си Нань.

Наступила тишина. Чжоу Жун мрачно отозвался:

— Нет. Он оглушил меня, связал, а потом поблагодарил, забрал мое оружие и снаряжение, увел моих заложников. И только на следующий день, когда оргкомитет прислал спасателей, я узнал, что он вообще никакой не заложник, а соперник из Страны А...

— Я шел с огромным отрывом, но в итоге проиграл. До сих пор не могу взять в толк, как Омега может быть таким хитроумным и коварным, чтобы так подло подставить человека!

Чжоу Жун с силой ударил кулаком в ладонь и уткнулся лицом в сгиб локтя. Си Нань приложил все усилия, чтобы голос звучал ровно:

— Да, это и правда ужасно, брат Жун... Но как ты не понял, что он твой соперник?

— Потому что первым делом, войдя в джунгли, он выбросил всё снаряжение: выпил всю воду из фляги, выбросил сухпак, закопал оружие. Единственное, что нельзя было снимать — прибор позиционирования, по которому обычно опознают соперников. Угадай, куда он его дел?

Си Нань снова покачал головой.

— Проглотил, — процедил Чжоу Жун сквозь зубы. — Только после операции удалось достать!

«...Вы там все были просто помешаны на этих чертовых соревнованиях», — искренне подумал Си Нань.

— Хуже всего, что у пацана уже была пара. После соревнований за ним приехали из Страны А, и я своими глазами видел, как тот Альфа-иностранец укусил его в железо на заливке, — с яростью сказал Чжоу Жун. — Скажи, разве это не предательство чувств?

Укус в железо на заливке — типичная временная метка, которая обычно держится от трех до четырех недель, пока не выведется естественным путем через кровообращение. Ее ставят Омегам, которые не были помечены окончательно. Временная метка может блокировать выделение феромонов Омеги, но важнее то, что она закрепляет право собственности и бросает вызов другим Альфам. Существовала и другая теория, не имеющая научного подтверждения, но общепризнанная: временная метка способна создать своего рода временный контракт. Другими словами — подчинение. Альфа с помощью этого способа прямой передачи феромонов усиливает естественный страх Омеги перед собой, добиваясь временного психологического подчинения.

Си Нань представил эту сцену, и почему-то ему стало не по себе. Казалось, подсознание подсказывало, что все было не так, как рассказывал Чжоу Жун. Но, получив помощь и кров, он ответил искренне:

— Да, брат Жун, ты прав.

— Теперь понимаешь, почему нельзя выбирать в пару Омегу? Не думай, что если они иногда показывают слабость, то ты им нравишься. Таких, как ты, Бэта, они в конце концов обернут до нитки.

Чжоу Жун вытащил пачку сигарет, но, передумав, убрал ее обратно и достал коробку с жаропонижающим. Выдавив две таблетки, он жестом показал Си Наню их принять.

— Не будем больше болтать, спи. Завтра, если температура спадет, значит, заражения нет. Если нет — мне придется пристрелить тебя.

Си Нань прислонился к стене, подложив под голову сверток из плотной одежды, который соорудил Чжоу Жун. В тусклом свете, пробивающемся из щели в двери, он увидел, что большая часть картонной коробки из-под лекарств была пропитана черной кровью.

— ...Спасибо, — помолчав, он улыбнулся. — Я приму твой совет... не буду искать Омегу.

Чжоу Жун привычно похлопал его по макушке.

В этот момент в дверь дважды постучали. Чжоу Жун встал и приоткрыл ее. На пороге стояла Чунцао. Понизив голос, она сказала:

— Нужно обсудить маршрут отхода, брат Жун. Завтра вертолет не сможет сесть прямо на крышу...

Чжоу Жун сделал жест, прерывая ее:

— Скажи Инцзе, пусть берет оружие и идет сюда караулить. Тех, кто сегодня днем сильнее всего буянил, не подпускай близко.

Дверь тихо закрылась. Си Нань закрыл глаза, слушая, как шаги Чжоу Жуна постепенно затихают.

На следующее утро врач опустил термометр и ошарашенно произнес:

— Тридцать семь и три.

Чжоу Жун вежливо кивнул в знак благодарности, хотя по его лицу все присутствующие поняли, что на самом деле он хотел сказать: «Ну ты и придурок».

<http://bllate.org/book/18220/1745403>